

Диана Яфарова

ВЕЧНОЕ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

«Штерн Георгий Александрович (Гогус, 1905 – 1982) – историк и поэт, ученик Н. П. [Анциферова] по Тенишевскому училищу, участник медиевистского семинария Гревса в ун-те (1924), экскурсионистских семинаров в Детском Селе в 1920-е. Позже – преподаватель и экономист. В 1930 – 33 – в лагерях. Оставил проникновенные воспоминания о Н. П.» – эту справку мы читаем в именном указателе к воспоминаниям Николая Павловича Анциферова «Из дум о былом» (М., 1992).

С помощью научно-исследовательского центра «Мемориал» и материалов, предоставленных младшим сыном Г. А. Штерна, Алексеем Георгиевичем Штерном, я попыталась воссоздать биографию человека, чье имя должно навсегда остаться в истории нашего города и нашей страны. Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность Алексею Георгиевичу Штерну за подробные беседы, а также за предоставленные материалы, которые легли в основу моей работы.

Георгий Александрович Штерн родился в 1905 году в Петербурге на Васильевском острове. Его отец, Александр Вильгельмович Штерн, выпускник Горного института, талантливый горный инженер, был в 1937 году арестован по подозрению в шпионаже и в том же году расстрелян. Где находится его могила – неизвестно, вероятнее всего, на Левашовской пустоши. В 1989 году Александр Вильгельмович Штерн был посмертно реабилитирован. О деде Георгия Александровича, Вильгельме Карловиче Штерне, известно, что он жил в памятном по стихотворению Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» доме № 39 по Литейному проспекту.

Будучи немцем по отцовской линии, Георгий Александрович прекрасно знал немецкий язык и немецкую культуру, но считал себя русским и был православным (несмотря на то, что отец был лютеранином).

Детство и юность Г. А. Штерна прошли на Надеждинской улице (после 1936 года – ул. Маяковского), где он жил вместе с матерью Еленой Моисеевной. Учился Георгий Александрович в Тенишевском училище на Моховой улице.

Привычно-серый петербургский дом.
Вчера опять его видал во сне я!

Здесь, в Тенишевском училище, с 1919 года классным наставником Штерна был Николай Павлович Анциферов. Встреча с этим человеком бесповоротно определила дальнейшую судьбу Георгия Александровича. Н. П. Анциферов оказался путеводной звездой в жизни многих, кто учился у него или просто был с ним знаком: они считали его своим духовным наставником и видели в нем пример для жизни. «Он привлекал к себе всех, кто был с ним связан какими-либо отношениями. Не любили его только очень дурные люди, и для нас, его учеников, мерилom человека часто служило отношение его к Николаю Павловичу»¹, – писал Георгий Александрович.

¹ Штерн Г. А. Воспоминания о Н. П. Анциферове : В 2 ч. Ч. 1. С. 18. (Машинопись).

Благодаря Николаю Павловичу, и Георгию Александрович, и многие другие ученики стали писали стихи. Николай Павлович приглашал в школу К. И. Чуковского (его дети Коля и Лида учились там же), ребятам читали свои произведения Н. Гумилев и М. Кузмин. «Они нас направляли и наставляли, а один раз, помню, мне здорово досталось за трескучие слова и преувеличенные “огненные” чувства»². Штерн писал стихи всю жизнь и не раз воссоздавал в них образ любимого учителя:

Он проторенных не искал дорог,
Путем утрат и радости, страданья
Он шел, и на пути не изнемог
И выполнил свое обетованье:
Для нас открыл любви живой исток
И мысли просветленной обаянье.

(1964)

Г. А. Штерн оставил целый сборник стихотворений, многие из которых были посвящены его времени, друзьям, учителям. Под названием «Мои стихи» его опубликовал в 1999 году Алексей Георгиевич Штерн. В сборнике есть интересные сведения о встрече молодого Георгия Александровича с А. А. Ахматовой, к которой ему поручили отнести какой-то конверт. Поэтесса, встретив молодого человека, протянула ему руку для поцелуя. «Но гордый “поэт” ответил только пожатием. Господи! всю свою жизнь отец вспоминал этот эпизод с горьким сожалением»³.

После окончания Тенишевского училища в 1922 году дружба Георгия Александровича с Н. П. Анциферовым не прервалась. Николай Павлович был его учителем и на историко-филологическом факультете университета. Университетскими учителями Штерна были также И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская⁴, Е. В. Тарле⁵ и другие известные ученые. По словам Алексея Георгиевича, его отца любили и возлагали на него большие надежды. Он был участником средневековедческого семинария И. М. Гревса, и в его архиве, бережно сохраненном сыном, имеется рекомендательная записка, подписанная Иваном Михайловичем.

Будучи студентом, Георгий Александрович давал уроки латинского языка, помогая таким образом матери. Он прекрасно владел латынью и уже тогда страницами читал на латинском языке наизусть древних классиков.

Время, в котором жили Г. А. Штерн, его друзья, сверстники, не позволяло им спокойно учиться. На последнем курсе началась так называемая «чистка» – гонение на студентов дворянского происхождения. Предупрежденный об этом заранее, Штерн успел сдать выпускные экзамены досрочно.

После окончания университета, во второй половине 1920-х годов Г. А. Штерн работал экскурсоводом в царскосельских дворцах-музеях, а также секретарем библиографической комиссии Центрального бюро краеведения (ЦБК). Работа вновь связывала его с Н. П. Анциферовым. Николай Павлович был, по словам Г. А. Штерна, «вдохновителем» официального семинара экскурсоводов, созданного при экскурсионно-лекторском бюро Детского Села, как теперь называлось Царское

² Там же. Ч. 2. С. 19 – 20.

³ Штерн Г. А. Мои стихи : Сб. стихов. СПб., 1999. С. 4.

⁴ Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874 – 1939) – медиевист, историк западноевропейской средневековой культуры, ученица И. М. Гревса, первая в России женщина-доктор по всеобщей истории.

⁵ Тарле Евгений Викторович (1875 – 1955) – академик, историк Западной Европы и России XVIII – XX веков.

Село. Собрания этого семинара впоследствии были названы конспиративными, а их участники понесли тяжелую кару.

Георгий Александрович отстранили от руководства экскурсиями за то, что на экзамене по политграмоте он выразил свое мнение о пролетарской науке: «... я считаю, что тот не достоин звания ученого, для кого симпатии его или антипатии дороже истины. Правда дороже всего, и задача научной мысли в том, чтобы делать свои выводы вне зависимости от того, нравятся они нам или нет». Как написал Георгий Александрович, этот случай сочли примером «тлетворного» влияния Анциферова. Через некоторое время Николаю Павловичу удалось добиться для своего воспитанника допуска к руководству экскурсиями, но в дальнейшем это явилось лишь еще одним пунктом в обвинительном деле.

В 1930 году Штерн поступил на службу секретарем кораблестроительного факультета Политехнического института, но был почти сразу арестован, а в 1931-м осужден на три года заключения в исправительно-трудовом лагере. Незадолго до ареста Штерн женился. Сохранившиеся письма, а, вернее, открытки со штампом «проверено», которые писала своему Гогушке Елена Анатольевна, его Ляля, проникнуты чувством заботы, волнения, беспокойства. Ведь письма из тюрьмы шли очень долго – так, письмо от 14 февраля 1930 года пришло только накануне 11 марта: «Чувствуешь себя совсем разбитой и измученной в эти дни. Ужасно тяжело, что так давно мы не виделись. Совсем не представляю себе твое настроение и самочувствие». Вскоре после ареста мужа Ляля заболела чахоткой и умерла. Николай Павлович Анциферов, который сидел в той же тюрьме, что и его ученик (в Крестах), чудом сумел в трудную минуту встретиться с ним: «Гогус бросился ко мне на шею и крепко прижался, словно искал опоры. Он молчал. На лице его была особая улыбка, словно застывшая, как иногда бывает у покойника»⁶.

Г. А. Штерн отсидел в лагерях, что называется, «от звонка до звонка». Его обвиняли по делу ЦБК – в том, что он принимал активное участие в деятельности этой «контрреволюционной организации», ставящей целью свержение советской власти, проводил ее реакционные установки в своей практической краеведческой работе, саботировал мероприятия советской власти и вел активную борьбу с советским краеведением. Кроме этого, его обвиняли также по статье 58, II – в помощи политическим заключенным и сосланным. Штерн признал, что был первым, кто поднял вопрос о сборе денег в помощь семье Анциферова, арестованного в апреле 1929 года, собирал пожертвования среди сотрудников ЦБК, и сам относил деньги.

Тюремные письма к Георгию Александровичу позволяют определить, где он сидел. Они адресованы в ОДПЗ («Кресты») – Ленинград, Арсенальная набережная, 5 и в ДПЗ – улица Воинова, 25. Анциферов, в мае 1930 года этапированный из лагеря в Ленинград для нового следствия по «делу Академии наук» и, в частности, Центрального бюро краеведения, вспоминал о неоднократных тюремных встречах со своим учеником⁷.

В лагере Георгий Александрович стал профессиональным геологом. После освобождения из Ухтпечлага в 1933 году он как специалист по инженерной геологии работал вольнонаемным на строительстве канала Москва – Волга, а в 1936 году – начальником камеральной группы 10-й инженерно-геологической партии в Казани. Там же, в Казани, Штерн познакомился с Татьяной Спиридонов-

⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом : Воспоминания. М., 1992. С. 372.

⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 361, 365, 367, 371, 372.

ной Полетаевой. Она стала его второй женой. В 1939 году родился сын Павел, а в 1942-м – Алексей. 25 декабря 1967 года Георгий Александрович писал в «Поздравлении» на пятьдесят четвертый день рождения жены:

Я знаю, быть со мною рядом
Совсем не просто, не легко,
И позади не все преграды,
Не все преграды, далеко.
Но я, как юноша невесте,
Дарю тебе свои стихи.

В 1939 году Г. А. Штерна уволили с работы, как часто бывало с ранее находившимися в заключении. Затем он работал в Татгеотресте, а после войны, в 1948 – 1950-х годах, переехал в Харьков, первый город, где ему разрешили осесть (по действовавшему порядку человек, отсидевший срок по 58-й статье, не мог жить в крупных городах Союза). Очевидно, сыграло свою роль то, что Георгий Александрович как инженер-геолог мог принимать участие в восстановлении города, почти полностью превращенного в руины.

В Харькове Штерн занимается строительством плотин. Немного позже к нему переезжает жена с детьми – все четверо живут в одной комнате коммунальной квартиры. Как рассказывал Алексей Георгиевич, не было газа, воды, на подоконнике лежал снег, но на стенах висели всюду сопровождавшие Георгия Александровича портреты И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, репродукции с портретов Л. Н. Толстого (Репин) и Ф. М. Достоевского (Перов), литографированные портреты Бетховена и А. С. Пушкина работы Уткина. Позже из Казани «приехала» мебель, частично вывезенная еще из Петербурга: письменный стол, шкаф, кресло (сейчас все хранится у А. Г. Штерна).

В Харькове круг знакомых Георгия Александровича ограничивался, в основном, только сослуживцами, с которыми он был в прекрасных отношениях. Их притягивали и привлекали его богатые знания, обширный кругозор, интересные беседы. А Георгий Александрович, в свою очередь, благодаря им, оживлял свой талант, свою духовную жизнь, возвращался мыслями в прошлое, когда его главными занятиями были история, литература, философия, краеведение. В общении он стремился обогатить других, и это ему удавалось: многие после бесед с ним заражались любовью к книгам.

Штерн продолжал переписываться со своими старыми друзьями. Среди них были известный патологоанатом В. Н. Терновский, директор Львовского этнографического музея П. Н. Жолтовский, искусствовед О. Б. Враская и многие другие. В трудные минуты во многом помогала Штернам семья выдающегося поэта и переводчика «Божественной комедии» М. Л. Лозинского:

... С собой неисцелимые недуги
Докучливая старость привела.
Безрадостны невольные досуги,
Но есть противоядие от зла:
Слагать стихи и вспоминать о друге.

В конце 1952-го года Георгия Александровича снова уволили с работы, готовился очередной арест. Но 5 марта 1953 года умер Сталин, близилась перемена, и Георгия Александровича на работе восстановили.

Тюрьмы и лагеря, страсть к чтению даже в тюремных камерах при плохом освещении привели к тому, что Георгий Александрович тридцать лет прожил в темноте: он потерял зрение, а позже стал терять слух. Но неиссякаемая сила воли

поддерживала его постоянный творческий порыв: будучи незрячим, Штерн продолжал писать стихи. Он выучил азбуку для слепых и печатал на машинке. В 1958 – 1968 годах Георгий Александрович написал воспоминания о своем учителе, практически заменившем ему отца.

В 1978 году по инициативе младшего сына Алексея, работавшего в это время в Театре комедии, его родители вернулись в Ленинград, где прожили оставшиеся годы в доме № 56 по набережной реки Фонтанки. Расположенный в центре города, этот типичный петербургский доходный дом с трехцветной, плавно переходящей от темно-серого в бежевый цвет окраской, отличается от соседнего, бросающегося в глаза, огромного, шестиэтажного трехарочного дома № 54 (так называемого дома М. П. Толстого). Квартира Георгия Александровича, а точнее, комната петербургской коммунальной квартиры – ныне мастерская его сына – находится на последнем, пятом этаже и выходит окнами на Фонтанку. В 1979 году здесь умерла Татьяна Спиридоновна, а в 1981 – сам Георгий Александрович.